

УДК 322 (47+57)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1991 годы)

М.Н. Жминда

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: ZhmindaMN@saratov.gov.ru

В статье проанализирована сущность политико-правовых преобразований, способствовавших изменению субъектности в условиях Советского государства, выявлены механизмы государственно-церковных отношений в условиях пропаганды атеизма и «научного коммунизма», определены ключевые политико-правовые позиции модернизации церкви, повлиявшие на современное положение указанной религиозной организации на современном этапе развития России.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, Русская православная церковь, субъектность, политико-правовые изменения, идеология православия и атеизм.

The Russian Orthodox Church as a Political and Legal Subject of Law in the Soviet Period (1917–1991)

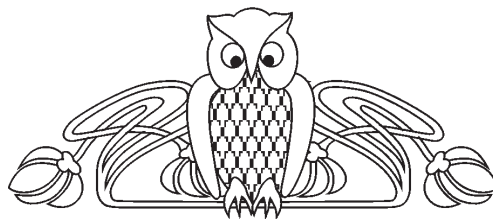
M.N. Zhminda

The article is focused on the essence of political and legal transformations, that brought about the changes in the Russian Orthodox church as a political and legal subject of law under the Soviet state. The article explores the state-church relations mechanisms under the influence of atheist propaganda and «scientific communism». It also defines the key political and legal grounds for the church modernization, which, in many respects, form the current position of the mentioned organization at the contemporary stage of the development of Russia.

Key words: stat-church relations, the Russian Orthodox church, political and legal subject of law, political and legal transformations, Orthodox ideology and atheism.

Революция 1917 года положила начало коренным преобразованиям общественно-политической жизни в стране, которые не могли не отразиться на государственно-религиозной сфере общественной жизни и изменили государственно-правовой статус Русской православной церкви. Новое государство «рабочих и крестьян» сделало заявку на продуцирование новых институтов, связующих государство, власть и общество. Церковь как политический субъект государственно-общественных отношений не удовлетворяла потребности новой власти. Она воспринималась как «воплощение политической реакционности, средоточение консерватизма, поборница обскурантизма. Она противилась самым умеренным проектам социальных преобразований, была против любых реформ в укладе государственной и общественной жизни»¹.

Такой подход новой власти к пониманию сущности и общественно-государственной

роли Церкви не мог оставить ее союзником государственных институтов советской России в проведении политических решений. Важно отметить, что наиболее значимые перемены, которые детерминировали изменение политической субъектности Церкви, произошли в трех взаимосвязанных сферах: политической, экономической и идеологической. Одними из главных документов, которые «вывели» Церковь за рамки участия в государственном управлении и лишили ее ресурсов, позволявших ранее быть одним из главных общественно-политических институтов, стали Декрет «О земле» (1917 г.) и Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.). Согласно указанным документам Церковь лишилась официального статуса государственной организации, лишалась правительственной поддержки, ей запрещалось владеть собственностью и национализировалось церковное имущество. Религиозная обрядность в деятельности государственных учреждений также была отменена.

Наряду с другими религиозными объединениями страны Русская православная церковь становилась общественной организацией, не имеющей никаких льгот и преимуществ².

Кроме того, отделив школу от Церкви, новое правительство отстранило православное духовенство от непосредственного участия в учебно-воспитательном процессе. Было прекращено преподавание в школах «Закона Божия», ранее считавшегося одним из главных предметов.

Резко ограничив наличие у Церкви материальных ресурсов, ликвидировав ее государственный статус, советское правительство вступило в идеологическое противостояние с православием, пытаясь дискредитировать его как «один из пережитков русского феодализма» с помощью «научных идей марксизма-ленинизма» с тем, чтобы «разоблачить контрреволюционную роль исторически сложившихся церковных организаций»³.

Важно отметить, что, несмотря на все послереволюционные преобразования, затронувшие Русскую православную церковь, ее влияние на общество оставалось значительным. Однако обоюдное противостояние церковного руководства и советского правительства, к которому перешел статус главного политического актора после революции 1917 года, не способствовало включению религиозной организации в политическую жизнь в качестве конструктивного субъекта. Большевицкое правительство предпринимало меры, способ-

ствующие снижению общественно-политического влияния религии в обществе. Причем меры, декларируемые в качестве средств борьбы с религией, были достаточно демократичными. Так, Двенадцатый съезд РКП(б), прошедший в апреле 1923 г., отводил ключевую роль в борьбе с церковью антирелигиозной пропаганде и агитации⁴. В одной из резолюций съезда указывалось, что при проведении работы «по окончательному разрушению религиозных верований во всех видах среди рабочих и крестьянских масс ... необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих», а также признавалось, что «нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»⁵.

Одним из первых ответов Русской православной церкви на новую политическую ситуацию стало организационное преобразование в руководстве Церкви, восстановившей в 1918 г. патриаршество. Поместный собор избрал на эту должность митрополита Тихона (Белавина).

Время его патриаршества ознаменовано модернизацией Русской православной церкви и формированием нового качества ее политико-правовой субъектности в условиях социалистического общества. Идея необходимости поддержки советского правительства и изменений внутри Церкви была одобрена на официальном уровне духовенством и позволила стабилизировать государственно-церковные отношения.

Катализатором изменений в Церкви стало и изменение общественного запроса на «услуги» религиозной организации. Новый тип гражданских отношений, развитие науки и техники, распространение грамотности, антирелигиозная пропаганда не только сократили число приверженцев православия, но и ослабили роль религии в жизни граждан Советского государства.

Таким образом, Русская православная церковь была поставлена в жесткие условия, формируемые как со стороны власти, общества, так и со стороны части самого духовенства и прихожан. Изменение политико-правового поля стало существенной причиной преобразований, позволивших данной религиозной организации не только сохранить себя в условиях атеизма, но и вступить в новый этап своего развития.

Важной вехой в формировании новой конфигурации субъектности Церкви стало официальное признание законности советской власти и оказание ей всесторонней поддержки духовенства и верующих. Новой власти удалось, используя все имеющиеся у нее ресурсы влияния, сделать Русскую православную церковь союзником рабоче-крестьянской власти в трудах для общенародного блага.

Итогом первого послереволюционного десятилетия можно считать оформление новой

конфигурации политических акторов, в которой Церковь практически полностью утратила позиции главного связующего звена между государством и обществом. Советская власть, возложив эти функции главным образом на партийные структуры, считала нецелесообразным, антинаучным и регрессивным использование религиозных организаций в строительстве социалистического общества.

Изменение в подходах к пониманию роли и функций Церкви в обществе было вызвано началом Великой Отечественной войны. Война – это период, когда выстраивается абсолютно иная конфигурация общественно-политических отношений, обусловленная необходимостью мобилизации всех ресурсов, изменением общественного сознания, изменением многих аспектов бытовой жизни людей. Именно в критических условиях общественной жизни, когда ставится под угрозу само существование государства и его граждан посредством физического истребления, механизмы научной рациональности не способны сыграть решающую роль в мобилизации, прежде всего, человеческих ресурсов.

В условиях военного времени функциональность партийных структур советской власти, ранее считавшихся главными субъектами, контролировавшими поле общественно-политических отношений, резко снизилась. Возникла необходимость в создании новых организаций, которые могли бы осуществить общественно-мобилизационные функции и разделить с правительством «ответственность» за ход и конечный результат войны. И именно здесь потребовался тот духовный, нравственный и материальный потенциал, которым обладала Русская православная церковь.

В первый же день войны Местоблюстителем Патриаршего престола митрополит Сергей (Старгородский) обратился с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал верующих встать на защиту Родины⁶. Таких посланий, проникнутых патриотическим духом, за время войны митрополит Сергей выпустил более двадцати.

Заметим, что действия иерархов Русской православной церкви, распространявших свои послания, были юридически противозаконны. Постановления ВЦИК и СНК, принятые в 1929 году, ограничивали район деятельности служителей культа, религиозных проповедников местонахождением членов обслуживаемого ими религиозного объединения и соответствующего молитвенного помещения. Однако, понимая важность данных посланий, проникнутых патриотическим духом для поддержания морального состояния граждан, власть не создавала препятствий и не вводила санкции за их распространение. Этот факт является одним из свидетельств изменения политико-правовой субъектности Русской православной церкви, которая получила возможность влиять на со-

знание граждан вне пределов, законодательно очерченных ей советским правительством.

Кроме того, для богослужения открылись дополнительные храмы, священнослужители, включая епископов, были выпущены из лагерей, а антирелигиозная деятельность приостановлена⁷. Находившиеся в действующей армии священнослужители демобилизовываются при согласии вернуться к церковной службе. В сентябре 1941 г. были закрыты антирелигиозные издания, распущен «Союз воинствующих безбожников»⁸. Эти факты свидетельствуют о признании со стороны правительственных структур того, что созданная атеистическая конфигурация общественно-политических отношений, основанных на квази-религиозной вере в возможность построения коммунизма, не способна самостоятельно функционировать в период кризисных явлений.

Позитивная роль, которую сыграла Русская православная церковь в сложный исторический период для жизни советского государства и его граждан, не только способствовала усилению ее авторитета в системе общественно-политических отношений, но и позволила завершить процесс институционального формирования Церкви в новых условиях. На Архиерейском соборе, состоявшемся 8 сентября 1943 г., двенадцатым со времени восстановления патриаршества Святейшим Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергей (Старгородский), который до этого занимал пост Местоблюстителя Патриаршего престола после смерти патриарха Тихона (Белавина). На Соборе митрополит Сергей выступил с докладом о патриотической работе церкви в годы Великой Отечественной войны, в котором призвал «дружно, братски, крепко и мощно объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом в мировой борьбе за погранные Гитлером идеалы христианства, за свободу христианских церквей, за свободу, счастье и культуру всего человечества»⁹.

До окончания войны Русская православная церковь провела еще один исторический Поместный собор, который состоялся в Москве 31 января 1945 г. В связи с кончиной в 1944 г. патриарха Сергия на Поместном соборе новым Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Алексей (Симанский), который продолжил общественно-политическую деятельность организации, начатую митрополитом Сергием. Кроме этого, на Соборе было принято «Положение об управлении Русской православной церковью», которое утвердило организационную структуру, сохранявшуюся в целом до настоящего времени. Особенно примечательным фактом стало создание в структуре Московского патриархата Отдела внешних церковных сношений, задачей которого было не только расширение контактов с другими христианскими церквями, но и взаимодействие со структурами советского правительства, координирующими деятельность религиозных организаций¹⁰.

Одной из таких структур стал специальный исполнительный орган – Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР, созданный 14 сентября 1943 г. В сферу полномочий Совета входило осуществление связи между правительством и патриархом по вопросам Русской православной церкви, а также предварительное рассмотрение вопросов, требующих разрешения правительства¹¹.

Анализ попыток восстановления нормальной жизнедеятельности Русской православной церкви позволяет сделать вывод, что власть действительно стремилась изменить принципы взаимоотношений с крупнейшей религиозной организацией страны в целях сохранения устойчивого общественного развития. Действия руководства Русской православной церкви и ее прихожан в критические моменты войны показали, что она действительно поддерживает существующую власть и может стимулировать, а не подрывать государственное строительство. Эта позиция показала продуктивность возвращения Русской православной церкви статуса одного из акторов общественно-государственного развития, конечно, при сохранении жесткого контроля со стороны силовых ведомств.

Давая общую характеристику динамике государственно-церковных отношений в период Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что в это время происходит изменение статуса Русской православной церкви, которая возвращает себе потерянные позиции одного из элементов государственно-общественного диалога. Те изменения, которые произошли как в структуре органов государственной власти, так и в структуре церкви, несомненно, также санкционированные советской властью, стали свидетельством изменения подхода к пониманию роли православной церкви в советском обществе.

Послевоенное время было отмечено очередным изменением конфигурации политической субъектности Русской православной церкви, позиции которой утрачивались внутри страны, однако заметно укрепились на международной арене.

Внутри страны активизировалась антирелигиозная пропаганда. В 1947 г. впервые после войны «Комсомольская правда» заявила, что членство в комсомоле несовместимо с верой в Бога. «Учительская газета» писала, что верующий не может быть учителем, и восстала против «ложной» теории безрелигиозного образования – образование может быть только антирелигиозным. Главный идеологический орган КПСС журнал «Большевик» провозгласил, что борьба против религии – это борьба против реакционной буржуазной идеологии. В «Большой советской энциклопедии СССР» утверждалась непримиримость КПСС по отношению к любой религии¹². Во многих городах были открыты «дома научного атеизма»¹³.

В последние годы жизни И.В. Сталина государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения влияния Церкви при сохранении внешне равных отношений. В октябре 1949 г. руководитель Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркомех СССР Г.Г. Карпов указал патриарху Алексию, что «Синоду и Патриархии следовало бы продумать сумму мероприятий, ограничивающих деятельность церкви, храмов и приходов». Совет по делам Русской православной церкви все больше сосредоточивался на функциях надзора, хотя отчасти сохранял прежнюю традицию, порой амортизировал особенно ущемлявшие интересы церкви указы и постановления¹⁴.

Начиная с 1949 г. постепенно были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы, кроме пасхальных, ограничены разъезды духовенства по населенным пунктам, не допускалось обслуживание одним священником нескольких церквей. Стали еще активнее преследоваться совершавшие религиозные обряды коммунисты и комсомольцы. В 1950 г. по рекомендации Совета по делам Русской православной церкви был принят указ о пострижении в монашество только с разрешения патриарха, начали призывать в армию учащихся духовных школ, не имевших сана¹⁵.

Вскоре после смерти И.В. Сталина по указанию набравшего политический «вес» Н.С. Хрущева М.А. Сусловым, Д.Т. Шепиловым и А.Н. Шелепиным было подготовлено постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г. и «Об ошибках в проведении научно-атеистической работы среди населения» от 10 ноября 1954 г., которые активизировали антирелигиозную пропаганду¹⁶.

Меры, предпринятые новым партийным руководством страны, привели к сокращению религиозных структур. В 1959 г. власти сняли с регистрации 364 православные общины, в 1960 г. – 1398. Было сокращено количество духовных учебных заведений¹⁷.

В 1961 г. под давлением властей Священный синод принял постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни», которое затем было принято Архиерейским собором. Практическое осуществление этой реформы привело к отстранению настоятеля от руководства приходской деятельностью. Руководителями всей хозяйственной жизни прихода становились старосты, чьи кандидатуры в обязательном порядке согласовывались с исполкомами. В 1962 г. был введен жесткий контроль над совершением треб – крещения, венчания и отпевания. Они заносились в книги с указанием фамилий, паспортных данных и адресов участников¹⁸.

Вместе с тем сокращение масштабов деятельности Московского патриархата внутри страны сопровождалось активизацией внешнецерковной

деятельности, которая открывала дополнительные возможности по защите своих позиций.

В период эскалации «холодной войны» Русская православная церковь стала структурой, отстаивающей интересы Советского Союза на уровне международных политических и религиозных контактов. В процессе их проведения иерархия Церкви не только вела межконфессиональные дискуссии, но и делала необходимые заявления по международным вопросам, содержание которых согласовывалось с правительством¹⁹.

В сложившейся после войны конфигурации практики государственно-церковного взаимодействия необходимо отметить несколько особенностей. Во-первых, для партийного руководства православная церковь вновь становится нежелательным элементом общественно-государственных отношений. Набирающая силу антирелигиозная агитация и пропаганда вновь ставят Церковь в жесткие рамки существования. С другой стороны, Московская патриархия является одним из главных инструментов проведения идеологической линии советского правительства на международной арене. В то же время эта внешнеполитическая деятельность Церкви позволяет отстаивать свои интересы внутри страны, используя поддержку международных партнеров.

Новый виток в развитии государственно-церковных отношений советского периода произошел в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. Новая тенденция определялась рядом причин. Во-первых, после Поместного собора 1971 г., избравшего новым Патриархом Московским и всея Руси митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена (Извекова), в Русской православной церкви наблюдается процесс модернизации вероучения, которое адаптируется к существованию в условиях социалистического общества. Продолжается активная межцерковная (прежде всего экуменическая) и международная «миротворческая» деятельность. Кроме того, приближение знаменательной даты – 1000-летия крещения Руси – способствовало активизации внутригосударственной деятельности Русской православной церкви, которая начала масштабную серию мероприятий, связанных с этим юбилеем²⁰.

Во-вторых, конец 70-х гг. прошлого века в общественной жизни отмечен появлением феномена «диссидентства», которое проявило большой интерес к православию, понимая его как хранителя русской культуры и национальных традиций. Возникновение целого ряда недолговечных подпольных журналов («самиздата»), занимавшихся обсуждением православных тем с разных точек зрения, поддержало процесс «религиозного возрождения»²¹.

До 1987 г. так называемая миротворческая деятельность Русской православной церкви обеспечивала ей некоторую, хотя и малозначительную, роль в жизни Советского Союза. Значение этой роли преувеличивалось государственными

органами и самой Церковью до уровня «важной в общественной жизни страны». Московская патриархия выступала лидером и представителем всех вероисповеданий в СССР, организовывала мирные конференции и совещания, не находившие в стране никакого отклика, но на Западе считавшиеся символом стремления к миру всех вероисповеданий в СССР и мнимой их свободы²².

В конце 1987 – начале 1988 г. обозначилось новое качество советской церковной политики, которую можно охарактеризовать формулой «Советский Союз не является режимом, преследующим религию, но это страна, в которой и атеисты и верующие совместно строят социализм». С началом «перестройки» и курсом на формирование «нового мышления» главному идеологу этих изменений М.С. Горбачеву потребовались дополнительные, внепартийные ресурсы мобилизации общества. В этот период вновь, как и во время Великой Отечественной войны, потребовался идейно-патриотический потенциал церковью, особенно Русской православной церкви. Горбачев воспользовался предстоящим празднованием 1000-летия крещения Руси, чтобы получить поддержку своей политики внутри страны (верующие) и за рубежом (общественное мнение Запада). С начала 1988 г. советские газеты, в том числе и региональные, были наполнены религиозной тематикой, священникам повсюду предоставлялось слово²³.

Председатель Совета по делам религий К. Харчев заявил, что государство и далее должно определять путь церкви и использовать ее в целях перестройки: «Перед нами встает задача: воспитание нового типа священника; подбор и постановка священников – дело партии... И так как власть полностью принадлежит нам, то в наших силах направить эти рельсы в ту или иную сторону в зависимости от наших интересов... Сейчас основная задача – это реальный контроль Церкви в политике партии»²⁴. Данное заявление красноречиво указывало на то, что Церковь становится инструментом не только внешней политики, но и переходит в разряд управляемых партийным руководством организаций, участвующих в реализации внутренней политики.

Празднование 1000-летия крещения Руси стало фактором, способствовавшим установлению нового типа советской религиозной политики. На Поместном соборе 1988 г., в первый раз собранном не для избрания первоиерарха Церкви, был принят новый Устав об Управлении Русской православной церковью. Если до сих пор предупредительность государства по отношению к Церкви являлась более или менее отвлекающим маневром, мистификацией либерализма, то теперь, после юбилея, начали осуществляться значительные послабления, дававшие Московской патриархии не только право на получение большого количества церковных зданий (храмов и монастырей), но и, прежде всего, возможность беспрепятственной регистрации новых приходов,

духовных заведений, обществ милосердия и братств. Сверх того, перед Русской православной церковью как национальной, были поставлены задачи национального масштаба: воспитание нравственности не в духе «морального кодекса советского человека», а на основе христианства путем широкого распространения христианских заповедей. Православие должно было вновь стать духовной основой русского народа.

Начало первосвятительского служения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (1990 г.) совпало с началом нового этапа в истории России, и есть все основания видеть в этом важный рубеж в церковной истории, ибо Церковь после десятилетий достаточно серьезных ограничений деятельности и контроля со стороны государственных структур получила весьма благоприятные условия существования.

После падения коммунистического режима Русская православная церковь оказалась перед необходимостью решать две главные задачи: конфессиональной самоидентификации и позиционирования в социально-политическом пространстве.

Специфика условий, в которых предстояло решать эти проблемы, заключалась в том, что не только общество, но и православная церковь (в большей степени именно церковь как религиозное сообщество и как церковная институция) пережили начало нового исторического периода как «ситуацию после двух великих обвалов» (1917 и 1991 гг.). В отличие от общества (в лице определенной его части) Церковь не была вовлечена в подготовку этих «обвалов», скорее напротив, была фактором, работающим на сохранение и стабилизацию «старого порядка». В то же время, как в начале XX в. (до 1917 г.), так и в советский период (до 1991 г.), Русская православная церковь столкнулась с рядом вызовов, которые можно назвать вызовами модернизации.

Одним из них является ситуация коренного изменения политической системы общества и места религии в нем. Падение монархии и установление «власти Советов», расценивающей религию как один из «пережитков феодализма» и препятствия в строительстве «прогрессивного социалистического общества», заставили Церковь пересмотреть общественно-политическую позицию и отношение к новой власти.

Развитие науки и техники, распространение грамотности и изменение бытовых условий жизни советских граждан заставили Церковь уточнять богословские позиции, изменять порядок церковных обрядов и разьяснять новые явления времени прихожанам с целью доказать состоятельность религии в условиях распространения «научно-материалистического миропонимания»²⁵, активно противостоящих «религиозным предрассудкам»²⁶.

В результате сложных процессов, потребовавших пересмотра складывавшихся веками

традиций государственно-церковных отношений, Русская православная церковь, изменив систему богословских принципов православия, создав новую структуру управления, сохранив достаточные материальные и человеческие ресурсы, смогла сохранить статус политико-правового субъекта советского общества, доказав состоятельность своих претензий на значимое место в структуре государственно-общественного диалога.

Примечания

- ¹ Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Л., 1987. С. 13.
- ² См.: О религии и церкви: Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М., 1981. С. 145–153.
- ³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 15 т. М., 1970. Т. 2. С. 469.
- ⁴ Там же. С. 469–472.
- ⁵ Там же. С. 470.
- ⁶ См.: Гордиенко Н.С. Указ. соч. С. 67.
- ⁷ См.: Русская Православная Церковь в советское время: В 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 327–328.
- ⁸ См.: Верт Н. История советского государства 1900–1991. М., 1992. С. 285.
- ⁹ Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 45.
- ¹⁰ См.: Гордиенко Н.С. Указ. соч. С. 69–70.
- ¹¹ См.: Одицов М.И. Русские Патриархи XX века. Судьбы Отечества и церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 283.
- ¹² См.: Большая советская энциклопедия СССР: В 50 т. М., 1955. Т. 36. С. 335.
- ¹³ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 267.
- ¹⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 305
- ¹⁵ Там же. С. 307.
- ¹⁶ См.: Гордиенко Н.С. Указ. соч. С. 79.
- ¹⁷ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 331.
- ¹⁸ Там же. С. 333.
- ¹⁹ См.: Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 292.
- ²⁰ Подробнее см.: Гордиенко Н.С. Указ. соч. С. 100–136.
- ²¹ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 405–406.
- ²² См.: Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 256–258.
- ²³ Там же. С. 258–260.
- ²⁴ Цит. по: Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 271.
- ²⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 165.
- ²⁶ Там же. С. 165.